

Скрябина Т.Л.

«Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского
в экранизации Л. Кулиджанова:
к 150-летию выхода романа

2016 год — не только год кино, но и полуторавековой юбилей выхода романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Костыгов и Кулиджанов.

В 1968 году роман Достоевского возвращен в школьную программу после 30-летнего перерыва. Выход фильма Кулиджанова в 1969 году: фильм заканчивал оттепель, за ним начинался кинематограф застоя. Фильм Кулиджанова противостоял лирическому, поэтическому кинематографу оттепели и отсылал скорее к итальянскому неореализму, фильмам Антониони и Бергмана, чем к отечественным образцам. Однако «Преступление и наказание» - фильм отнюдь не подражательный: рубикон был перейден в конце 1950-х гг. благодаря фильму Калатозова «Летят журавли», который поставил отечественный кинематограф на один уровень с европейским.

С конца 1960-х преобладает московский живописный стиль. Стиль, в котором сняты большинство великих экранизаций 1960-80-х гг.: «Неоконченная пьеса» и «Несколько дней из жизни Обломова» Михалкова, «Анна Каренина» Зархи, «Война и мир» Бондарчука, «Дворянское гнездо» Кончаловского («сделайте мне дорого и красиво»). Сцена бала в «Войне и мире», где снят бесконечный зал, какого нет в Зимнем дворце. Показ красот: интерьера, костюмов, драпировок, ощущения естественного света, пространства, пронизанного солнечными лучами. Юсов и Рерберг.

Кулиджанов и Ленфильм: образ человека, его лицо: «Самое интересное, что может быть в кинематографе — это человеческое лицо». Шероховатость кадра, свободная композиция, черно-белое изображение, слепок реальной жизни. Не к пафосности, не к приподнятости, а к достоверности, точным подробностям. «Я делаю реалистическое кино», т.е. отторгающее поэтический кинематограф. Жизнеописание заурядных людей, незначительных и никудышных. «Когда деревья...» первая драматическая роль Никулина.

Экранизация заведомо не может быть проверена на точность совпадения с первоисточником. «Преступление на лицо. Наказания не вижу. Параджанов». «Я не читал Достоевского, как нечто шумное, динамичное, экспрессивное». Психологический детектив, путь Раскольникова к раскаянию. Нет метафизики, сцены с чтением Евангелия, каторжного пути Раскольников, «нет фантастического и беспорядочного». Как герой придет, к тому, чтобы прийти в контору и произнести: «Это я убил старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил». Идеальное убийство — ему везет с того момента, как он взял топор — и душевная болезнь, которая им завладевает «Я себя убил!». Кайдановский и Тараторкин (увидел прикованным к кровати). Актерские работы: Смоктуновский — Порфирий (бесцветный, журчащий, обволакивающий, мягко ступающий — снял обувь) — единство мучителя и его жертвы, их тяга к друг другу. Копелян — Свидригайлов.

История Раскольникова рассказана языком о кинематографа 60-х. Тема западного кинематографа: *абберации человеческого сознания*, расслоения психики, мании и фобии, которые таятся в нас во всех (Хичкок, Антониони, Бергман). Герой как бесконечно неизвестная величина для самого себя. Тема сокрытого. Сокрытое убийство Раскольникова и Свидригайлова. Сокрытая низость приличного человека Лужина, сокрытое влечение Раскольникова к Порфирию, сокрытый стыд Сони. Всем есть, что скрывать.

Преступление — это иной мир, имеющий мало общего с нашей реальностью. Убивая, погружается в мир субъективный. Вещи: веревка, топор, колокольчик, звонок, дверной крюк — вещи из другого мира, мира снов и ужасов Раскольникова (Хич вещи становились знаками подсознания, говорили больше, чем мог осознать зритель).

Отсутствие музыки: дождь, смех, стук каблуков, колокольчик, голоса. Мир диссонансов, ослепший, оглохший человек после катастрофы.

Изображение говорит больше правды, чем идейное содержание фильма. Вписывается в ряд великих фильмов, навеянных Достоевским («Рокко и его братья» и др).